

Почему мы проигрываем? Комментарий эксперта, 12.03.2024

Эдуард Б. Атанесян¹

Мы проигрываем, проигрываем давно и системно. В чем же корневая причина поражения армянства, причина бесконечного скукоживания нашей Родины как «шагреновой кожи»?

Я далек от приписывания нашей, или любой иной, нации, как системе самоорганизации на основе коллективных ценностей, территории, языка и культуры, каких-то особых первопричин постоянных побед или поражений. Корневой проблемой «Армянского мира» является проблема власти², вернее – вопрос ее формирования и (сакральной) легитимности. Иными словами – речь идет об элите нации, способной в долгосрочном плане брать на себя ответственность, консолидировать ресурсы и (хотя бы пытаться) решать актуальные проблемы. Имеем ли подобный устоявшийся институт? Видимо – нет. И корни этой проблемы идут из глубины веков.

В нашей истории был момент, когда в силу совокупности различных причин негативного характера – «идеального шторма» – имело место необратимое изменение факторов, лежащих в основе Армянского мира. Не будем ссылаться на великое переселение народов и борьбу конкурирующих религий и держав в качестве первопричины всех бед. Будем искать причины в нашей, армянской среде. А они, как представляются, лежат в начале XI-XII вв., в эпохе расцвета и упадка армянского царства *Багратидов*³. Их столица Ани⁴ – жемчужина средневекового градостроительства, обладавшая развитыми коммуникациями и инфраструктурой, стала таковой во многом благодаря торговым путям, проходившим через территорию Армении. Как и в наши дни, истоки проблем во многом лежали в рамках «коридорной логики» политико-экономических процессов, а начиналось все с «Великого шелкового пути», на сей раз – подлинного.

Географическое положение, политическая и внутренняя стабильность царства вкупе с имеющимися дорогами и нужной инфраструктурой – необходимая плотность населенных пунктов с возможностью приобретения продовольствия и фуража у местного населения, наличие удобных подворий и развитые ремесла делали Армению привлекательным маршрутом для транзита товаров в Китай и Европу. Немалую роль играли и собственно армянские товары – ковры, натуральные краски, ювелирные изделия, кони и т. д.

---

¹ Автор монографии и более десятка научных статей и публикаций, в прошлом – ученый-аналитик Национального института стратегических исследований (ИНСИ) МО РА. Работал в МИД и Аппарате Президента НКР, в Офисе Посла РА по особым поручениям.

² То, что по-армянски звучит как «սիւսջնորդութիւն».

³ Багратиды, Багратуни (арм. *Բագրատունիներ*) – армянский княжеский род, одна из самых значимых княжеских династий Закавказья. С 885 по 1045 гг. царская династия Армении.

⁴ С 961 по 1045 год Ани был столицей Армянского царства Багратидов.

В результате город стал важной точкой на торговых маршрутах, а активная экономическая жизнь способствовала к бурному развитию ремесел, связанных с транзитной торговлей⁵. Прогресс экономических связей привел к многочисленным случаям первичного накопления капитала среди обычного люда, а дело, позвольте напомнить, имело место в средневековой феодальной Армении. Накопленный капитал, как это обычно имеет место, вкладывался в торговлю – благо дорога проходила под носом – и, с учетом способностей армянской нации к торговле, привел к становлению или укреплению такого явления как средневековая армянская «протобуржуазия». В феодальном государстве конца первого и начала второго тысячелетия она, конечно же не могла претендовать на лидерство – роль, которой обладало дворянство, но зато выгодно отличалось своими финансовыми возможностями. И именно тогда, как представляется, и пришел поворотный момент, когда у земли, как основного средства производства и существования населявших ее, стали появляться конкуренты – ремесла и торговый капитал. Фигурально говоря – «молот» и «мошна».

Конкурентные преимущества» последних были явными. Ведь ремесло – это навык, он всегда с человеком, делая его максимально автономным и мобильным, зависимым от рынка, но не конкретной географической локации. Подлинное мастерство в ремесле могло способствовать первичному накоплению капитала, став, тем самым, соответствующим «социальным лифтом» для подъема наверх, поближе к «сильным мира сего». Еще более мобильным и независимым в средневековье делал «торговый капитал»: он также не зависел от земли, как базового средства производства, ему было достаточно торговых путей («коридоров»). Плата пошлины и поборы по пути следования своего каравана, купец являлся, как бы, подданным всех правителей на пути своего следования, он был нужен и выгоден всем.

Земля же осталась крестьянам и аристократии – союзу «меча» и «серпа». Для первых она была источником пропитания, а для последних – не только источником их богатства, но и главным атрибутом удельного дворянства. Потеря земли была не просто лишением недвижимого имущества и ресурсной базы, как у землевладельцев из числа нуворишей, но и потерей сакральных корней и статуса. И при всем этом, земля всегда была сложным ресурсом: она требовала тяжелого физического труда, зависела от природных условий, была подвержена катаклизмам. А самое главное – за нее нужно было воевать, ее нужно было защищать с оружием в руках.

Война и была главным делом аристократии, которой, по идее, надлежало жить самим и воспитывать своих отпрысков в постоянной готовности к войне, растить их как хранителей традиций ратного дела. До определенного момента война же и была основным «социальным лифтом»⁶ средневековья – дети простых обывателей добывали путь «наверх» доблестью и кровью (своей и врага). Для этого аристократам следовало заботиться также о своих крестьянах, из которых набиралось войско и

⁵ О городе см., например: <http://www.virtualani.org/index.htm>

⁶ Таким же лифтом во все времена была и церковь, делавшая крестьянских сыновей епископами, архиепископами и католикосами. Но церковные иерархи создавать семей не имели права, а простые священники своего сана по наследству передавать не могли.

ополчение, которые строили крепости и заполняли их кладовые припасами. И это все требовало немалых расходов, тем более – с учетом политико-географических реалий Армянского средневековья. Понятно, что в мирное время торговый и ремесленный капитал подобной ответственности и подобных расходов не нес, а вот в смутные времена мог лишиться всего.

И именно тогда, как представляется, пришел момент, когда менее обремененные обязанностями круги, в силу общей стабильности и своих финансовых возможностей стали формировать альтернативную элиту, замахнувшуюся на внешние атрибуты аристократии, но еще не претендующую на большее – власть. Имея ограниченный фронт для применения капитала, богатый класс армянского царства Багратидов в погоне за житейским пафосом преобразил и обустроил город Ани, понастроил церквей, сделав его городом «тысячи и одной церкви». Возможно, этот же класс и способствовал входу в оборот среднеармянского языка – изначально разговорного языка простонародья со множеством заимствований из соседних языков; языка, далекого от тонкого слога и певучести *грабара*⁷, оставшегося языком церкви. Не особо подвергая себя и своих отпрысков рискам, связанным с ратным делом, богатые арийцы не испытывали проблем с воспроизводством себе подобных, оставляя в наследство им больше, чем получали сами. Понятия «социальная ответственность капитала» в те времена еще не существовало, а посему крайнее богатство вполне мирно уживалось с крайней нищетой (ведь, как принято думать, «Бог каждому дает по заслугам его»), о чем, помимо прочего, сокрушался средневековый поэт Фрик⁸, чей псевдоним – «обжаренное незрелое зерно» на армянском, отражает всю тяжесть выпавшей ему доли. И так, мир как необходимое условие, а не как следствие – это главное условие развития ремесла и торговли, а земля, в иных равных условиях – постоянный источник конфликтов, а для кого-то и «обременительный балласт».

Между тем, для кочевников-скотоводов, бежавших от своих более кровожадных собратьев на востоке и наводнивших Армянское нагорье со всем своим скарбом и стадами, земля, вернее – пастбища, оставались главным и безальтернативным ресурсом. На иные ниши экономической жизни они и не претендовали: и тогда, и вплоть до наших времен их антагонизм с оседлыми армянами возникал исключительно вокруг «земельного вопроса».

Отношение альтернативной элиты к земле в эпоху Средневековья не могло не проецироваться на глубинное восприятие собственной государственности, призванной эту самую землю защищать. Национальная буржуазия, в силу политико-экономических основ своего благосостояния, изначально в массе своей была запрограммирована на «мир», иногда – любой ценой, в том числе, к сожалению, ценой необратимы уступок, отказа от земли и национальной власти. Во всем мире деньги приучают людей рассматривать проблемы прежде всего в экономической

---

⁷ Грабар (арм. Գրաբար, «письменный») или классический армянский язык, или древнеармянский язык – наиболее древняя из сохранившихся в письменных источниках форма армянского языка. Как таковой сложился уже во II веке до н. э., в период образования Великой Армении.

⁸ Фрик (арм. Ֆրիկ; около 1234–1315) – армянский поэт. Настоящее имя неизвестно. Первый армянский поэт, писавший на среднеармянском языке.

плоскости – в виде «приемлемых» или «неприемлемых» расходов, отмечая в сторону сакральную подоплеку процессов. Видимо, подобное рациональное «понимание» и лежало в основе поступка одного из католиков ААЦ Петроса Гетадарца, передавшего ключи от города Ани в руки византийцев. Людская память хранит его имя как синонимом предательства, при этом, однако, обходя молчанием тех, кто эти ключи вложил ему в руки.

Пройдут столетия, прежде чем армянская буржуазия, столкнувшаяся с жесточайшей конкуренцией в Индии и Юго-Восточной Азии в целом, придет к пониманию необходимости национального государства как гаранта своих прав и имущества. Осознание того, что наличие капитала при отсутствии политического инструментария по его сохранению лишь временно, сподвигли передовые умы из армянской буржуазии индийского Мадраса на поиск модели национального государства на основе знакомых им моделей современности. Но это там, вдали от суровых будней аграрной Армении. А здесь, в нашем регионе, армянский капитал, а следовательно – и новая элита, нашедшая приют в Иране, будет стремиться заполучить покровительство Иранского и Российского дворов. В то же время армянский истеблишмент Западной Армении, осевший, в основном, в Константинополе и других крупных городах Османской империи, будет демонстрировать лояльность Высокой порте, лелея надежды вложиться в торгово-экономические связи с Европой.

И лишь на земле, возделываемой армянским землепашцем и оберегаемой осколками армянского дворянства – в Арцахе, Сюнике, Лори, Сасуне и Зейтуне – останется понимание ее сакральной значимости и необходимости ее защищать. Понимание будет, ресурсов не будет. Даже после присоединения Восточной Армении к Российской империи и установления внутри- и внешнеполитической стабильности, Армения, по большому счету, не стала точкой приложения коллективных усилий армянской буржуазии, предпочитавшей осваивать прибыльные сферы в Баку и Тбилиси, но не у себя. Скупая в одноименных губерниях огромные угодья под прибыльные дела, армянский «высший свет» оставался аполитичным и децентрализованным, не хотел и не сумел воплотить в жизнь идею восстановления Армянского царства, пусть и под протекторатом Российской империи. А планы по восстановлению этого царства у Российского двора имелись. Но, все пошло наперекосяк, и Армения осталась практически единственным регионом Российской империи, где крестьяне-христиане оставались в зависимости от землевладельцев-мусульман – потомков тех, кому эти земли были пожалованы персидскими шахами после массового насильственного перемещения армян в Иран в самом начале XVII века.

Специфика общественно-экономических отношений на территории Армянской родины обуславливала и философию формирования местного, вернее – местечкового истеблишмента, фрагментированного по своим селам и весям со своей системой локальных отношений, завязок и интересов. Фигурально говоря, конфедерации *танутеров* – или сельских старост, а после 1828 г. – просто «сельской аристократии», пользующейся определенным влиянием, но наделенной скромными возможностями,

было не под силу институционализация истеблишмента и формирование общенациональной повестки. Для этого у них не было ни власти, ни денег и ни, зачастую, соответствующего кругозора. А посему, до зарождения армянских политических партий (да и, собственно, после), нишу национальной элиты суждено было занять представителям интеллигенции, в основном – «перу». Люди искусства, далекие от расчетливого прагматизма, лишённые рычагов социально-экономического воздействия на широкие слои населения, уж не говоря – на внешний мир, в качестве инструмента воздействия на аудиторию имели письменное слово – чувственное, гиперболизированное, способное запасть в душу. Это была совершенно не та элита, которая тайно вынашивала планы, а та, которая создавала образы в умах и сердцах. Их стезя – публичность, их цель – известность, а эталон – собственное мировосприятие. Они противоречили друг другу и вели в разные стороны как лебедь, щука и рак. Их идеалом была свобода в ее возвышенном понимании, их персонажем – идеалист с пламенным взором, направлением – неведомые и волнующие дали. Для этих носителей ценностей и идей была неприемлема расчетливость денег, тем более что таким людям их всегда не хватало и не хватает. Их аудитория – свой народ, на языке которого они с ним и говорили, их темы – Родина, ее проблемы и метания. Для них, по большому счету, был также далек и пример самопожертвования Байрона, принявшего личное участие в Греческом восстании. Некоторые из них (в части, касающейся западноармянской элиты – практически все), погибли от оружия, и очень немногие – с оружием в руках.

И если все начиналось с того, что процесс формирования элиты был «оторван» от земли и отошел от удельной знати к космополитичной бизнес-элите, способной генерировать капитал, но ментально и географически далекой от Родины и ее проблем, то к началу XX века – эпохи великих трагедий и восстановления армянской государственности, занятая заботами народа национальная элита не имела и капитала, оставаясь лишь «владельцами слова». Базовая «вербализация» армянского истеблишмента, его отдаленность от земли и денег не делала его способным создавать политическую повестку и решать ее вопросы, в том числе – безопасности и выживания. Аллегорическая ситуация из бессмертного произведения Хнко Апера⁹ «Мышиное собрание», является примером глубокого понимания той пропасти между словом и делом элиты, которая существовала на момент его написания. «*Вешание звонков на шею кошки*», если говорить словами автора, осталось делом единиц, но не системы.

Геноцид армян и последовавшие события ознаменовались интересным обменом формулами национального выживания между армянами и евреями. Если премьер-министр Египта Нубар-паша и его сын Погос Нубар, в совокупности, воплотили в жизнь образ библейского Иосифа – ближайшего сановника при фараоне Египта, задействовавшего свои возможности для спасения своего народа, то еврей Франс Верфель на примере армянских реалий описал концепцию политического будущего

---

⁹ Хнко-Апер (арм. Խնկո Աբեր), настоящее имя Атабек Ованесович Хнкоян (1870–1935 гг.), армянский и советский поэт и педагог, заслуженный учитель и заслуженный писатель АрмССР.

еврейства. Его повесть¹⁰ о защитниках Мусалера (Мусадага) – сценарий создания еврейского государства: мотивированные люди под предводительством национального капитала и религиозных лидеров собрались на горе Моисея у моря, чтобы выжить во враждебном окружении, надеясь на помощь морской державы. Сражавшиеся выжили, а отказавшиеся от борьбы были убиты врагами.

С приходом большевиков класс людей, который можно было бы считать армянской элитой, на Родине лишился и «пера». После драматического этапа восстановления национальной государственности, где небольшое число людей «меча» было обильно разбавлено, в целом, все тем же «пером», лидерство отныне перешло «пламенным революционерам», далеким от «узконационального» миропонимания и движимых глобальной повесткой, на фоне которой армянский народ, как и всякий иной, был совокупностью классов, один из которых подлежал тотальной зачистке. Отнеся ценности прошлого к «средневековому мракобесию» и не принимая инакомыслия, большевики расправились со всеми, кто имел хоть какое-то отношение к «буржуйам и капиталистам» и принялись за воспитание новой «аристократии» на основе идей марксизма-ленинизма.

В итоге, получив целую плеяду деятелей в сфере науки, культуры и техники, армянский народ, в силу объективных ли, субъективных ли причин, к концу XX века – на момент возрождения национальной государственности – так и не создал целостного политического фундамента своей государственности и не воспитал особой общности людей, готовых ее воплотить.

Личности, способные вести за собой, были всегда, и, тем не менее, в нашу эпоху имела место окончательная трансмутация «пера»: национальная элита стала формироваться уже не на основе мастеров «письменного слова», а просто «слова», символом и средством донесения которого, с учетом научно-технического прогресса, стал условный «мегафон/микрофон». При этом, в кулуарном сегменте общественно-политической жизни одновременно с разделом социалистической собственности и первичным накоплением капитала шло формирование финансово-экономической прослойки армянского общества, которая, в силу понятных причин, будет, в основном, «провластной» или, как минимум, лояльной. Это сообщество так и останется в тени и не сформирует общественно-политическую силу, хотя кое-какие заявки на это будут.

В результате окончательной «вербализации» жизни в Армении и становления новой парадигмы элиты наверху окажется больше «мастеров» слова, чем дела. В отличие от элит прошлого, чье «перо» дружило с «мыслью», деятели новой формации не будут обременены излишними условностями: их «слово» вполне жизнеспособно и без «дела». В итоге формирование института политической власти – явления изначально конъюнктурное – будет все больше смахивать на постоянно обнуляемый «счетчик» без институциональной памяти, традиций и стратегической перспективы. Без дельного, консолидирующего лидерства само общество будет становиться излишне «мягким» и «гибким», еще более подверженным внешним веяниям из всякого рода «окон», например – Овертона.

---

¹⁰ Франц Верфель, «40 дней Мусадага». Издательство «Симпозиум», 2010, – 904 стр.

Указанное явление наглядно проявило себя на фоне известных внутривнутриполитических событий в Армении, но, признаем – оно не ново. При всех наших разговорах о национальной уникальности и самобытности, армянская общественно-политическая мысль на протяжении последних столетий не смогла родить какую-либо действенную национально-ориентированную модель общественно-политического бытия, которая изначально не задумывалась бы как часть чего-то большего, но чужого, а иногда и чуждого: будь то политические партии или их идеологические и мировоззренческие концепты. Мы бежим от нашей идентичности, ибо видим в ней не то, что делает нас (как и любой иной народ) уникальными, а то, чем мы отличаемся от других. А потому, в своем стремлении воссоздать у себя нечто «передовое» и отличное от «*национальных предрассудков*», мы зачастую стремимся быть большими католиками чем папа римский, вероятно, в тайне лелея надежду на то, что рано или поздно в нас все же признают «своих» и погладят по головке.

Разве то же самое делают наши недруги?

Мы, как представляется, и не стремимся к «суверенной самодостаточности», претендуя, максимум, на бледную адаптацию глобалистических идей. Модными революционными веяниями, в свое время, были навеяны «Гнчак» и «Арменакан». Та же федерация революционеров «Дашнакцүцюн» – местная ипостась международного интернационала социалистических партий. В идеологическом плане для армянских коммунистов в Баку представитель армянской буржуазии был классовым врагом, тогда как инородный «пролетарий», активный участник армянских погромов – братом. В наши дни членами европейских политических альянсов стали РПА, «Прозцветающая Армения» и др. Либертарианство и иные либеральные чаяния лежат в мировоззренческой основе партии «Гражданский договор» и «метеоритного пояса» из ее общественно-политических сателлитов. Даже пресловутый офис Сороса у нас не был «своим», созданным под местные реалии, а всего лишь филиалом чего-то еще.

Неужели после тысячелетий истории мы пришли к тому, что наш путь – это стать частью «чего-то еще», где последнее слово не за нами, а за кем-то еще – более важным и главным? И неужто создание собственной подсистемы в рамках чужой большей системы – это идеальная среда для нашей созидательной мысли, спокойная гавань для нашего существования? И не суть, что данный путь не предусматривает высшей формы национальной самоорганизации – национальной государственности: ведь это лишние затраты и усилия на поддержание внешней безопасности, мы уже давно отказались от «меча», и пусть этим замораживается кто-то другой.

Последние 30 лет нашей независимости наглядно показали утилитарность восприятия государственных институтов в армянской среде. Это далеко не то, о чем говорил Джо Кеннеди: «*Не спрашивай, что может сделать государство для тебя и т. д. и т. п.*». Утилитаризм как мировоззрение способствовал тому, что система государственных институтов эпохи зарождения независимости была оперативно продублирована системой вне- или, даже надгосударственных связей, интересов и завязок в нашем обществе. Вместо принятия правил игры в рамках собственного государства, общество адаптировалось к системе «обходов», «откатов», «кумовства» и т. д. Продемонстрировав пассионарный взрыв на фоне экзистенциальных угроз

(землетрясение, блокада, война), армянство, в итоге, стало добычей «шустрых и прытких» у себя дома. И произошло это еще и потому, что диссонанс между пафосом слов о справедливости, единстве, ценностях, созидании национальной государственности и всем тем, что без излишних сентиментов и суеты происходило на самом деле, вел к отчуждению людей и власти, государства и общества.

Сиротливым институтом национальной «самости», по сути, осталась Армянская Апостольская церковь (ААЦ), когда-то, в силу объективных причин, организационно также являвшаяся частью чего-то большего, но ставшая, в силу своей позиции, структурно независимой после Халкедона¹¹. Все последующие попытки «интеграции» ААЦ в политизированные церкви современности оборачивались трагедией народа, государства и самой Церкви. Так было, например, в случае с унией ААЦ с Ватиканом в Киликийском царстве, приведшей, в итоге, к потере армянской государственности и внутрицерковному расколу.

Но Церковь сейчас не фаворе, она доведена до статуса атрибута и отделена (вернее – отдалена) от государства, она живет в несколько иной политической и идеологической реальности, мало влияет на власть, более того, государство само вмешивалось (или вмешивается) в ее дела, являясь одним из главных конкурентов в борьбе за сердца и умы армянства. В отличие от представителей иных «церквей» на армянской земле, ААЦ целенаправленно подвергается медиа- и иным нападкам: во-первых – это модно и, во-вторых, все это находит отклик не в последнюю очередь из-за тех ее служителей, кто секуляризировался «*в угоду мирской славе и серебра*». Патриархаты ААЦ за рубежом, в силу объективных причин, находятся под влиянием реалий стран пребывания. Ну, а армянские католики и протестантские церкви, в силу понятных причин, структурно являются частью чего-то большего, также лежащего вне границ «Армянского мира».

История меняет не человека, но народы. Соотношение «меча», «земли», «молота» и «мошны» не может не проецироваться на жизненный уклад поколений. И сегодня, говоря об универсальных идеологических постулатах, царящих в армянской среде, можно выделить «*выжить (пережить)*» и «*адаптироваться*». Если адаптация к реальностям подразумевает взаимодействие индивида с внешней коллективной средой, поиск ниши, самореализацию, а местами, даже, коллаборационизм, то режим «выживания», к сожалению, заточен на индивидуализм и тяготеет скорее к Дарвину, чем ко Христу. Отсюда наша подсознательная тяга к либерализму, ибо наш либерализм – это свобода ягуара, затаскивающего тушу антилопы на недостижимое для чужих дерево, а не (коллективный) ужин львиного прайда. На коллективном же уровне у нас все достаточно просто: преклонение перед глянцем «цивилизованного мира» обусловлено отказом признавать его не всегда лицеприятные для нас реалии; подверженность внешним манипуляциям проистекает из нашей падкости на лесть; суррогаты идеологических воззрений и «истины», подчерпнутые во внешнем мире

---

¹¹ Вселенский собор Христианской церкви, имевший место осенью 451 года в пригороде Константинополя Халкедоне. Армяне не приняли участие в спорах о том, кем был распятый на кресте Христос, так как умирали за Христа в религиозной войне, навязанной сасанидскими правителями Персии.

хороши тем, что мы их всегда можем сдобрить «соусом» из цитат наших национальных деятелей; наш напускной консерватизм и коллективный традиционализм – иногда всего лишь попытка замаскировать завышенную самооценку, а еще чаще – гедонизм и отказ от работы над собой.

Для того, чтобы наглядно показать, куда мы, в итоге, пришли убегая от самих себя, достаточно одного примера. В своих глобалистических, по сути, метаниях армянская политическая мысль так и не выкристализовала общеприемлемого определения того, что есть армянская Родина. Это то, что в пределах нынешней карты? С Арцахом или без? Что делать с Нахиджеваном, как поступить с Западной Арменией? Искусственно противопоставляемое государственности понятие *Родина* после потери своих сакральных основ становится сугубо физическим пространством с «неудобными» границами. К тому же, если в обществе «без меча» следовать важнейшему нарративу, что главное – это мир (жизнь), то зачем умирать за что-либо?

Переформатировка мировоззренческих воззрений общества в сторону либерального «вербализма», как части «пост-революционной» трансформации «Армянского мира», бьет и по формированию новой элиты и, в частности, по той ее части, которая наиболее часто соприкасается с жизнью – по кадрам. Советская концепция постоянного обучения кадров и выпестовывания сообщества профессиональных управленцев уже давно сменилась на локальную модель, в которой первичной «кузницей кадров» стала условная «улица» – «революционеры», «активисты» и т. д. Ни армия, ни экономика, ни бизнес, которых у нас еще и не было, ни научная и педагогическая среда, и ни, даже, Академия наук. Последние, в массе своей так и остались не востребованными «реальной политикой» теоретиками, наблюдающими за общественно-политическими процессами со стороны и оценивавшими происходящее посредством понятийного аппарата скорее физики и математики, а в лучшем случае – кибернетики, но не обществоведения и смежных наук.

Так получилось, что в условиях рыночной экономики армянский социум достаточно быстро отказался от навеянных советской идеологией стандартов «успешности», конвертировав любые достижения специалиста, да и просто человека, в их финансовый «эквивалент» – богатство. Общество отказалось от таких понятий, как лучший учитель, физик, химик, математик, поэт, прозаик, историк, тракторист, сварщик, врач, водитель, пианист, художник и т. д. Их сменили люди с деньгами. Это в 90-ых. Сегодня же, в условиях расцвета информационных технологий, когда «*все решает* (условный) *народ*» и рынок, принятым критерием успешности стали «лайки» в соцсетях и деньги в жизни. Многие представители отныне не котируемых на рынке специальностей в поисках заработка вынуждены были покинуть Родину, остальные же – приспособиться к новым реалиям, что не могло не отразиться на общественной среде. Отдельные «вкрапления» бывших аппаратчиков в систему власти, даже на самом высоком уровне, ситуации не меняли: делая работу, они не делали погоды, и им все равно приходилось иметь дело с «людьми с улицы».

Условная «улица», как среда формирования политической касты, имеет свои особенности: ее главный конек и билет на «социальный лифт» – харизма. Харизма

может быть положительной или, даже, немного отрицательной, но в любом случае она, по сути своей, «вербальна»: деятель, не наделенный «словом», не может вызывать симпатий, генерировать процессы, консолидировать массы и вести их за собой. Из истории также известно, что условное «слово» крепко «дружит» с тембром, мимикой и жестиком, и в эпоху, когда врачи становятся шоуменами, а клоуны с легкостью становятся политиками, трудно требовать от «олдскульных» политиков, чтобы даже они иногда нет-нет, да и не выкидывали бы какой-нибудь «крендель».

В новом мире, где «каждое мнение имеет значение», слово – это главный инструмент. И слово это – не аргумент полемиста и, даже, не мастерство древнеримского или древнегреческого оратора. Риторика современных деятелей не нацелена на красивую победу оппонента в дискуссии – противника просто освистают даже не выслушав, ибо эти люди уже «все знают» и «все умеют», им не нужны советы тех, кто менее удачлив и, тем более тех, кому они еще и должны платить за «умные советы». «Умников» с академическим складом ума и критическим мышлением вытесняют на обочину общественно-политической жизни «говоруны» – «говорящие головы», претендующие на роль мудрецов и экспертов. Их способности уже не являются предметом критики и, не будучи обременены ответственностью за свои мысли прогнозы, «говорильня» и формирует политико-информационный фон армянских реалий, при этом, конечно, редко выходя за пределы политического заказа или грантовых обязательств. Ведь предназначение ее представителей – вещать «истины», обозначать проблемы и назначать виновных. На решение проблем они и не подписывались.

Там, где отныне не востребованы лучшие учителя или поэты, талант которых сегодня трудно конвертировать в деньги, элита «цветет» в самой власти, в ее коридорах, кулуарах и/или будуарах. И следовательно, срок ее «годности» продолжает ограничиваться сроком каденции. В армянской действительности трудно найти деятеля, отношение к которому не зависело бы от того, во власти ли данное лицо или нет. Политик без власти государства – это как сувенирный пистолет стене: сохраненная форма при отсутствии практического содержания. Для обратного примера можно вспомнить феномен Г. Киссинджера – между прочим, более чем спорного, во всех планах, человека и деятеля.

Проблема формирования элиты в самой власти имеет еще одну специфическую особенность, которая, кстати, и обеспечивает динамичность социальных лифтов – это невозможность передачи харизмы в наследство. Человек может стать лидером и вести за собой других, но ему не под силу «забронировать» аналогичное отношение к тому, кто не заслужил этого сам¹². И это в современном мире, где ты даже не сможешь заставить своего отпрыска пойти по твоей стезе. А посему, харизма – суть «мирская слава», и каждый уход очередной значимой фигуры – это падение мощного дуба в лесу: смена «старого» дерева открывает место для новых и тонких, ибо иные под сенью гигантов и не растут.

---

¹² Вспомним, например, молодежное движение «База» (Բազա – *ястреб*), в свое время активно раскручиваемое действовавшей властью, но тихо канувшее в политическое небытие с изменением руководства страны.

Никогда, на всем протяжении армянской истории не было ситуации, чтобы среди нас не было достойных фигур, будь то представителей «меча», «серпа», «молота» или «мошны». Но национальная элита – это не простая совокупность пусть даже малочисленных личностей, родившихся, волею судеб, в одно и то же время в одном и том же месте. Элита – это система, и если не воспроизводства лидеров, как у средневековой знати, то хотя бы их воспитания. В отличие от «политического века» армянского политика, она мыслит категориями стратегической перспективы, ее деятельность не строится с оглядкой на партийную идентичность и изменчивые настроения общественности, не основывается на играх и заигрываниях с «полезными» фигурами, начиная с дворового формата и выше. Сможем ли мы сейчас, когда Родина и армянский народ проходит через очередную волну региональной и глобальной военно-политической турбулентности, после больших потерь и жестоких разочарований выставить идейную элиту, члены которой готовы начать с себя, готовы жить так, как принято поучать других, совмещать свои слова и дела и делать все это не на публику, а по убеждению. Элиту, способную взять свой крест и пойти служить.

Способны ли мы, как нация, *«повернуть обратно колесо истории»* или же осознанно пойдем на поражение, стараясь всего лишь изменить отношение к нему.

Иного не дано.